

УДК 821.161.1.09"20"

А. К. КотловКостромской государственной университет
ak_kotlov@inbox.ru**ПРО ТВОРЦА И ПРО ТВАРЕЦА
(РАССКАЗ ДЕНИСА ГУЦКО «ТВАРЕЦ»)**

В статье анализируются семантические корреляции слов «Творец» и «тварец» в рассказе современного русского писателя Дениса Гуцко.

Ключевые слова: Д. Н. Гуцко, современная русская литература, семантические корреляции, традиция.

Aleksandr K. Kotlov

Kostroma State University

**ABOUT THE TVORETS ("CREATOR") AND ABOUT THE TVARETS
(THE STORY OF DENIS GUTSKO "THE TVARETS")**

The article analyzes the semantic correlations of the words "Tvoretz" ("Creator") and "tvarets" in the story of the modern Russian writer Denis Gutsko.

Keywords: D. N. Gutsko, modern Russian literature, semantic correlations, tradition.

Денис Николаевич Гуцко (род. 1969) – один из тех современных писателей, чье творчество началось на рубеже XX и XXI столетий в русле во многом протестного по отношению к пост-модернизму так называемого «нового реализма», к которому относили, например, З. Прилепина, С. Шаргунова, Р. Сенчина, О. Павлова и некоторых других, в наши дни уже состоявшихся писателей.

По-настоящему Гуцко привлек внимание читателей и критиков в 2005 г., когда за роман «Без пути-следа» был удостоен Букеровской премии (при особом мнении Василия Аксенова – председателя жюри). В том же году вместе с повестью «Там, при реках Вавилона» этот роман вошел в книгу «Русскоговорящий». Последний сборник Гуцко «Большие и маленькие» вышел в свет в 2017 г. Именно в него вошел и рассказ «Тварец», напечатанный ранее в журнале «Дружба народов» (№ 6 за 2011 г.) и тогда же перепечатанный З. Прилепиным в сборнике «Десятка». (Поскольку текстологических разночтений в публикациях данного произведения не обнаружено, мы взяли за основу прилепинскую публикацию [1].)

О чем рассказ? О нереализованном таланте, о тайне творчества. Как видим, тема, извечно волновавшая писателей и поэтов. Классически (скажем, в пушкинской традиции) рассматривается высокая связь Творца и творца (вспомним стихотворение А. С. Пушкина «Пророк») – небесного и земного воплощения созидателя. Так, и герой рассказа Гуцко, Кудинов, по-чеховски утонувший в «футлярности» жителя-бытия и откладывающий творчество на потом, так как жизненная суета «временна», уверяет себя: «...и перед мысленным его взором привычно вздымалась другая – бурливая, полнокровная жизнь мастера: герои нашего времени, проклятые вопросы, фейерверки вдохновения и *серафимы на перепутье – жесткие и неукротимые*» [1, с. 377; выделено нами. – А.К.]. Но есть и булгаковский вариант творца – его образ мастера, исполняющий волю отнюдь не Всевышнего (возможно, не случайно слово «мастер» и в приведенном нами внутреннем монологе Кудинова).

У Гуцко иронично-уничжительно, кажется, звучит название рассказа – «Тварец», словно художник не тот, кто несет частицу божественного, а его, Создателя, ошибка, наподобие орфографической ошибки в слове «Творец». (Кстати, лексикографическая история самого этого слова интересна: если у В. И. Даля мы видим в качестве первого значения слова «творец»: «Бог, Создатель, Мироздатель», а вторым идет «делатель, производитель, исполнитель, избретатель, сочинитель, основатель» [2, с. 395], то в советское время всё поменялось – второе стало первым, а некогда первое вторичным [3, с. 344].)

Вернемся к рассказу. Главный герой произведения всю жизнь мечтает стать писателем, но – мечта так и остается недостижимой вплоть до последней страницы произведения. Он – пресс-секретарь руководителя банка, несколько, как было сказано ранее, по-чеховски «футлярно» откладывающий на потом свое писательство: «Аккуратно нужно с мечтой. Мало ли. /.../ приближение счастья – не повод для идиотизма» [1, с. 381].

Почему его желание не исполняется?

Посмотрим, а что вообще он хочет создать? То «повесть о поваре-пиромане», явно отсвечивающей массовой литературой [1, с. 377]; то сиквел о неумершей Джульетте в стилистике, по-видимому, близкой к игровой культуре постмодернизма [1, с. 382]...

Может, герой просто бездарный графоман? Нет. Судя по некоторым образам, рождающимся в его голове, когда он наблюдает окружающую жизнь, талант у него есть: то это природный мир («Ластится ветерок, облака кружатся. Куда ни глянь – иллюзион и фокусы. Обрубок радуги мерцает под задранной ногой спаниеля. Стальной сосок отключенного фонтана ослепительно брызжет солнцем. Кленовая ладонь, зачерпывая и выплескивая свет, превращает изумруд в янтарь, янтарь в изумруд – и так далее, так далее»; «Голуби, точно выздоравливающие больные, бодро ковыляют мимо фонтана. Кудинов представляет себе, как они переговариваются по дороге: у кого где ноет, сколько “заряжено” врача») [1, с. 373, 382]), то заурядный офисный: «Жалюзи нашинковали солнце на тонкие золотые полоски...» [1, с. 380]. Любая тварь или утварь, как видим, превращается в маленькое творение.

В замыслах Кудинова – выхолощенная фантазия, и только, тогда как в последних образах – она же, но оплодотворенная жизнью. Герой все еще боится быть неправильным, словно забыв ахматовское «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда, как жёлтый одуванчик у забора, как лопухи и лебеда». В начале рассказа среди иных метафорических образов вдруг возникает следующий: «Но главное – тени каштанов. Каштаны роняют дырчатые, как дуршлаг, тени» [1, с. 373]. И далее: «Тени каштанов чрезвычайно его занимали – дырчатые как дуршлаг. Он повертел ими так и эдак, вдруг вылепил вычурный анапест: дуршлаговые тени каштанов, – отбросил и снова поморщился. Дуршлаг не давался» [1, с. 375]. Этот образ, «неуступчивая метафора», словно преследует его своей, как оказывается, неправильностью:

«“Дуршлаговые тени, – думал Кудинов. – Тени как дуршлаг”.

Тут он вспомнил, как Надя говорит “отбросить через дуршлаг” – и в этой незатейливой кухонной фразе увяз окончательно. Как ни пытался, без толку: через дуршлаг ветвей ни тени, ни солнце отбросить никак не удавалось.

Ветви каштанов... дырчатые как дуршлаг...

Хрена! Сбился! Утоп в дуршлагах.

– Да потому что неграмотно! – вслух разозлился Кудинов, насторожив шествовавших мимо голубей; продолжил про себя угрюмо: – Отбросить на дуршлаг, НА! Прочедить – через!» [1, с. 377–378].

Звонок жены Нади с напоминанием о том, что завтра, в субботу, он сидит с сыном Лешкой, возвращает его к быту, отчего из его уст прозвучит горько-ироничное: «Такие вот дуршлаг».

А когда же появляется Тварец – этот странный образ? Его создает на уроке рисования сын Кудинова, когда «рисовалка», по словам мальчика, разрешила «рисовать что хотите» [1, с. 384]. Главный герой рассказа не заметит, насколько этот Тварец, соединяющий ветер и жизнь, часто суетную, неприглядную, хищную, в одно, и есть воплощение не Творца, но творца, для которого есть в первую очередь не горний мир, а дольний, тварный. Кудинов же разгорячится лишь по поводу безграмотности первоклассника, убеждая сына: «Если “тварь” – то через “а”. А “творец”... тот, кто эту тварь сотворил... ну, в нашем контексте – “бог”, “всевышний” и так далее – “творец” уже через “о”» [1, с. 385–386].

Только после ночных видений, воскресивших в том числе и образ его матери-маляра, будничного вида которой он стеснялся в детстве, между явью и сном герой неожиданно прозреет, не оттолкнув реальности, но «заболев» ею, через вновь вернувшийся к нему мучивший его образ теней от каштанов («И что-то про кленовую ладонь. Туда-сюда. Изумруды, янтари. Как-то так. Каштаны еще. Эти тени» [1, с. 392]. Обратим внимание на «пульсацию» фразы, словно бы пробивающей приход к Кудинову Тварца.) «Белая пустошь» [1, с. 392] вновь открытой страницы на ноутбуке (как когда-то белый лист перед Сошниним – главным героем «Печального детектива» В. П. Астафьева) символизирует истинный перелом не только в творческих поисках героя Гуцко, но и во всей его жизни: вместо эфемерной «Джюльетты-2» он обращает взгляд на то вокруг, что и «тварь», и «творение»:

«Да и хрен бы с ней, с Джульеттой. А вот написать бы про Надю. Про то, как ему сладко и жутковато возле нее – как в море, когда берег пропал из виду. Про маму еще написать. Про схватку ее с козлиным веком. Про ее мужские руки с разноцветной каймой под ногтями. Как он их стеснялся...» [1, с. 392].

В начале и в конце рассказа Кудинов вспоминает о только что схлынувшем весеннем хаосе, который якобы мешал сосредоточиться и писать. Но теперь этот хаос творческих мыслей не отталкивал: Тварец завладел сознанием не только сына, но и отца:

«Сплюнув сквозь щелку в передних зубах, Тварец повторяет с некоторым нажимом: “Хо-хо”.

– Что, простите?

– Дигирума фрус, – отвечает он задумчиво. – Нума, – и ловко отбрасывает Кудинова через дуршлаг» [1, с. 392].

Истинная природа творчества, таким образом, приходит герою в виде нагловатого Тварца – создания земного, конечно, но и – небесного: «твари Божьей», созданной воображением ребенка...

Литература

1. Гуцко Д. Тварец // Десятка: антология современной русской прозы. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2011. С. 372–392.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1989.
3. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Т. 4. М.: Рус. яз., 1986.